

АРКАДИЙ ЛАПИДУС

ДЫРКА
ОТ
БУБЛИКА
2

Аркадий Лапидус

**Дырка от бублика 2. Байки
о вкусной и здоровой жизни**

«Э.РА»

2013

Лapidус А.

Дырка от бублика 2. Байки о вкусной и здоровой жизни /
А. Лapidус — «Э.РА», 2013

ISBN 978-965-92051-2-7

А началось с того, что то ли во сне, то ли наяву, то ли через сон в явь или через явь в сон, но я встретился со своим двойником, и уже оба мы – с удивительным Богом в виде дырки от бублика. «Дырка» и перенесла нас посредством универсальной молитвы «Отче наш» в последнюю стадию извращенного социалистического прошлого. Там мы, слившись со своими героями уже не на бумаге, а в реальности, пережили еще раз ряд удовольствий и неудовольствий, которые всегда и все благо, потому что это – жизнь!

ISBN 978-965-92051-2-7

© Лapidус А., 2013

© Э.РА, 2013

Содержание

Послесловие-предисловие	7
Пролог	10
Характеристики и проблемы основных героев в цитатах из первого цикла	15
Бирюлечки	19
Всё течёт – всё из меня!	23
Цирк! Цирк! Цирк!	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Аркадий Лапидус

Дырка от бублика 2. Байки о вкусной и здоровой жизни

*Все права сохраняются за автором и Господом Богом рядом
с Танахом, Новым Заветом, Кораном, Буддистской философией,
Каббалой, Язычеством и неагрессивным и весёлым ГЕРОИЧЕСКИМ
АТЕИЗМОМ!*

© Лапидус А., 2013

* * *

Неугомонный Эскулап – Наум Аркадьевич

Светлый образ одного из персонажей и главного героя книги жизни автора

Всё из дырки и всё в дырку, которая и Бог и наш результат, если бублик жизни бессмысленно и бездарно съеден!

Послесловие-предисловие

Жизнь продолжала прогрессировать. Словно профессиональный сумасшедший, делающий очередную ходку в дурдом, я уже почти не сомневался, что я – Бог, а Бог, что он – это я. Был ещё и третий, который и сейчас только посмеивался. В предыдущем повествовании он тоже «косил» под моего двойника из параллельной действительности, а здесь...

– Что значит «косил»? – снова врезался в мои мысли двойник. – Я – это ты, а ты – это я.

– И вы – это трижды я, – подчеркнул Бог.

– Почему трижды, когда дважды? – опять не согласился я.

– Потому что дважды – вы это я, и одиножды – я отдельно. Один плюс два – три! – снова лукаво блеснул своей математической мыслью Бог.

Мда-а... Весёленькая компашечка...

Сегодняшняя наука не исключает существование Создателя. Впрочем, и в атеистическом вчера некоторые научные гении, обнаруживая какую-нибудь ошеломляющую закономерность, втихоря крестились или восхищённо произвольно выкрикивали «Аллах акбар!» или «Барух а Шем!». А такие ненаучные товарищи вроде меня, которые не всегда могут до конца и безапелляционно объяснить «Почему? Отчего? Откуда? Зачем? Для чего?» и так далее, но чувствуют, что то, что видят и о чём говорят – правильно, верно, благоприятно, вкусно и перспективно, всегда с уважением относились к природным шедеврам и их проявлениям.

– Опять бросил! – воскликнул Бог и, выпрыгнув из меня уже не в виде старца, а в виде крепенького мужичка, подбежал к очередному прохожему.

Как в повторяющемся кинокадре он опять выдернул из-под его ног окурок и, молча, отнёс его в близстоящую урну.

– Бестолку! – всё так же уныло сказал двойник и неторопливо тоже полез из меня.

Отодвинув огалу (тележку с пахом (ведом) для мусора), он развалился на скамейке рядом со мной. Всё повторялось, но уже не так точно как раньше. Видимо, и тут, как в реку, нельзя было войти дважды. И хотя я, как и раньше, не шелохнулся, но от того, что услышал дальше, просто обалдел.

– Бедный Булгаков! Кстати, теперь могу вам сказать, что это одна из ваших предыдущих реинкарнаций, – сказал Бог, располагаясь тут же.

– Наших? – ахнули мы.

– Ну да! А что вы удивляетесь? Пораскиньте мозгами! Полно намёков! Моя природа расточительства не любит! Гении и другие достижения реинкарнируют по профилю! Он был медиком – и вы были! Он трудно писал – и вы мучаетесь! А пьесы? И его и ваши были не ко двору, а сегодняшние откровения опять под мистическим колпаком. Там главным менеджером был дьявол, а тут я. И я тоже почти ничего не могу поделать. Закон естественности и для меня – закон! Да у вас даже жёны – Елены Сергеевны. Правда, теперь они не поддерживают, а в лучшем случае лишь терпят... Ну, чего расселся? – толкнул локтём он двойника. – Пах полный!

– Ты свисни – себя не заставляю я ждать. Приду я дерьмо от тебя убирать! – всё так же вяло огрызнулся двойник.

Он вытащил из паха очередной соки (пластиковый мешок) с мусором, лениво завязал его и понёс к контейнеру.

– Ну и фокусники вы! – продолжал Бог. – Вашего дьявола моими функциями пытались наделить. Вот и получилось не «За жизнь!», а «За смерть!». Из-за таких как вы до сих пор почти все молятся “За жизнь!”, а голосуют “За смерть!”.

Я потянулся и уставился в голубейшее небо. Работа в Израиле и сейчас была для меня сплошным удовольствием. И это не потому, что практически всю её выполняли собранные воедино после написания книги, а теперь опять расщеплённые мои «Я». Физически уставал я к концу рабочего дня точно так же, как и раньше, но морально...

Ах, как мне было хорошо! Никто не следил за каждым моим шагом, не выскакивал неожиданно из-за угла, чтобы уличить в бездельи и нерадивости, не подгонял и не унижал.

Мне доверяли!!!

– Какие у вас противные самодовольные рожи! – сказал Бог, когда двойник вернулся. Что вы не чухаетесь! Что толку от прозрений, если никому они не известны!

– Как это никому? А нам? – возмутился я.

– Вот именно! Сам пью, сам гуляю, сам стелю и сам лягаю! Кайф! – ухмыльнулся двойник.

– Идиоты! – опять укоризненно пробурчал Бог и побежал к следующему прохожему...

С чего всё началось

А началось с того, что то ли во сне, то ли наяву, то ли через сон в явь или через явь в сон, но я встретился со своим двойником, и уже оба мы – с удивительным Богом в виде дырки от бублика. “Дырка” и перенесла нас посредством универсальной молитвы “Отче наш” в последнюю стадию извращённого социалистического прошлого. Там мы, слившись со своими героям уже не на бумаге, а в реальности, пережили ещё раз ряд удовольствий и неудовольствий, которые всегда и все благо, потому что это – ЖИЗНЬ!

Пролог

Вопреки оптимистическим предсказаниям учёных канувшего в Лету далёкого двадцатого века от рождения Христова, катастрофа была чудовищной, и её масштабы не поддавались никаким человеческим сравнениям. Столкнулись две галактики – известная на Земле как “Туманность Андромеды” и та, на периферии которой находилась сама Земля. Всё видимое пространство было заполнено флюктуирующим и не прекращающимся ни на секунду ослепительным взрывом. Все цвета радуги и их сочетания плескались и взаимодействовали в самых неожиданных ракурсах и масштабах, а в центре этого космического фейерверка крутилось и парадоксально пучилось нечто, очень похожее на “чёрную дыру”.

– Ещё одна дырка от бублика! – хохотнул кто-то, и я увидел, как с обратной стороны дыры с невероятной кинематографической скоростью образовывалась новая галактика, а может быть, и что-то большее...

– Человек не произошёл от обезьяны. Он и есть обезьяна с Божьими прививками, – опять хохотнул кто-то, и я проснулся.

Справа, как и в прошлый раз, всхлипывала во сне некрасивая от хронического переутомления и недосыпа жена. Слева так же посапывала и вздрагивала счастливая в своей животной свободе и потому беременная Бог знает от кого собачка Чуча—Божий подарок. А за стеной всё с той же страстью и удовольствием свистела и хрюкала всё та же вечно живая и неистребимая тёща.

Я повернул голову и обмер.

Жёлтый глаз дьявола глядел в окно.

Глядел холодно.

– Да нет дьявола! Нет! Что за хреновина? Сгинь, Сатана!

Я мотнул головой.

Глаз моргнул (или это я моргнул?), и я с облегчением убедился, что это всё-таки хоть и не совсем нормальная, но Луна, а не гоголевская чертовщина. Да и как могло быть иначе, если, воистину, самого дьявола никогда не было, нет и не могло быть, а были, есть и будут болезни – в том числе и нервно-психические. Ну и случайные гости из других миров и из будущего, а так же остальные, стимулирующие разум, якобы нарушения гармонии и прочего природного равновесия и порядка. И фантомы! Фантомов – полно! Но если некоторым без страшных сказок скучно и неинтересно, то – пожалуйста:

Жёлтый глаз дьявола глядел холодно. Товарно-денежные отношения, торжествуя, вытеснили все другие, и человечество наконец-то начало, вслед за окружающей его средой, необратимо деградировать и вымирать...

– Ха-ха-ха-ха!..

– Бр-р!..

– Евреи – межклеточная нация. Они должны жить везде! – ещё раз сказал кто-то.

– Да ну? – удивился я, так как это, мягко говоря, не совсем совпадало с великой идеей сионизма.

– Что ну? Что я, лошадь, что ли? – опять сказал кто-то. – Всё вам надо разжёвывать, всё напоминать. Тупые, как бараны! Я же говорил, что Израиль – люлька! Колыбель! Форпост! Родина для слабых! Для сильных это – транзит! – как хлыстом стегануло действительно чем-то знакомым, и я вскочил с кровати.

Натыкаясь на стулья и косяки дверей, я дошёл до туалета, а после него, так же – на автопилоте, завернул на кухню. За столом сидел двойник и, похмыкивая, быстро-быстро

писал. Заметив меня, он только кивнул в сторону лежащей по другую сторону стола ручки и стопки чистых листов. Да и раскупоренная пачка томатного сока указывала на то, что сегодня дружеская попойка не предвидится. А то, что было вчера...

– Господи, да было ли вчера?

Я взглянул на календарь и настенные часы – число и время были те же, что и в прошлый раз, и секундная стрелка не двигалась.

Дрожащими руками я налил себе полбокала сока и выпил.

– Сон во сне! – оторвавшись от писанины и блаженно потянувшись, сказал двойник.

– А? – спросил я растерянно.

– Два! – передразнил двойник и начал массировать правую кисть руки. – Раз... два... три... четыре... пять! Пять снов, как матрёшка в матрёшке! А может, и не снов... Тут такая чертовщина! Ты уже пятый разходишь и исчезаешь. Давай, помогай! Пиши! У меня уже судорога пальцы сводит.

– Пять раз?

Я помнил только нашу первую встречу.

Кухня начала зыбиться и таять.

– Вот ёрш твою в клёш! – выругался двойник и, схватив меня за руку, толкнул к стулу.

Ничего не соображая, но следуя интуиции, я вцепился в ручку и пачку листов, и... И всё вокруг опять прояснилось и приобрело материальную объёмность и вес.

Решительность и деловитость двойника сразу напомнили (о чём я уже и в первую встречу начал догадываться), что двойник-то двойник, да не совсем. Впрочем, даже наш мозг состоит из двух полушарий и нескольких долей. Два в одном – не секрет, а у некоторых и три, и пять, и... И никакой клинической шизофрении, так как никто друг другу не мешает и никто никого не старается задавить своим шовинистически незрелым “я”, хотя диспуты бывают подчас и лютые...

С определённого места биография двойника сошла с предназначенных ему рельсов и провалилась в стандартно-бытовую колею. Приехав в Израиль, он за два года предыдущей зубрёжки освоил-таки азы “родного” иврита (значит, можно, если не считаться с ценой!) и, чудом подтвердив лежащий лет тридцать без дела диплом фельдшера-лечебника, работал медбратом. Но ничего не писал! Это лишь только особо наивные думают, что писать что-то приличное можно между делом и между прочим, и никакого времени и особых затрат и усилий на это не нужно. Ещё как нужно и ещё как не между прочим, а положив на это жизнь! Но зато всё, что было, всегда с тобой и смысл бытия ощущается! Тем более что настоящее складывается из прошлого и лишь на мгновение из постоянно превращающегося в прошлое будущего. Поэтому понятно, почему физически вполне сносная и внешне спокойная жизнь двойника проходила зря. Когда счастливые от материальной стабильности и предсказуемости жена и теща сначала выбросили все его рукописи, а потом выдернули “чудика” из петли и поместили в дурдом, он окончательно утвердился в мысли, что дальше так жить нельзя. Да и не нужно!..

После выхода из психлечебницы несчастный всю свою божью потребность в творческом бытии направил на сбор ядов. Смешивая их, он проверял убойный эффект на... на братьях наших меньших! И когда не только крысы, но и беспризорные кошки начали стабильно валиться замертво даже при мимолётном знакомстве с адской смесью, он принял душ, одел всё чистое и почти новое и... и оказался у меня на кухне, а жизнь опять приобрела свой вкус и смысл.

Пока я это всё вспоминал, входная дверь заскрипела, и я открыл рот от изумления. Вместо премилого и миролюбиво бесполого дымного колечка или дырки от бублика со двора в кухню, сладко потягиваясь, всплыла и направилась к холодильнику угрожающе огромная сиястая обезьяна с вполне приличными мужскими гениталиями.

– Красавица! – причмокнул двойник. – Или красавчик!

Обезьяна (или обезьян) зыркнула в нашу сторону и, кокетливо пошевелив надбровными дугами, осклабилась, после чего начала чудовищно и многократно зевать, а я тут же вспомнил, как она возникла из дырки в одно из выпавших из памяти посещений. Да и как можно было забыть тот кошмар, который предшествовал её появлению! Вся дарвинистическая эволюция с обилием рождений и смертей, слизи, крови и всяких других дурно и специфически пахнущих жидкостей и клеточных формирований прошла перед нами и через нас, и натерпелись мы предостаточно. И хотя дырка опять объясняла это какими-то сбоями, но я уже тогда сильно засомневался в этом. Чтобы Бог так беспрекословно подчинялся каким-то программам, которые он сам и наворотил, – это было слишком.

– Какой-то странный у нас Бог, – сказал я как можно тише и покосился в сторону обезьяны, достающей из холодильника мороженое.

– Сраный! Сраный! – тут же опять игриво улыбнулась обезьяна. – Вылитый вы, любимчики! В ваше очередное гипергомосексуальное время! Всё для вас, всё для вас! Какие вы – в таком виде и я! Боже мой, до чего же спать-то хочется! Охо-хо-хох!..

Я вздрогнул и развёл руками. Неслучайность происходящего начала подтверждаться.

– Что ты от него хочешь? – раздражённо буркнул двойник. – Обезьяна – она и есть обезьяна!

– Не просто обезьяна, а образ переходного звена от обезьяны к человеку, – сказал Бог и аккуратно положил в свою хоть и переходную, но ещё очень обезьянью пасть ложечку мороженого, после чего очень деликатно пошевелил челюстями, смакуя её.

– Оно и видно, – ухмыльнулся двойник.

– Во-первых, никому, кроме вас, не видно. Иначе бы меня давно уже высушили да по музеям и храмам растащили. А во-вторых, нечего отвлекаться. Работайте! – уже твёрдо и очень по-мужски сказал Бог и начал энергично опустошать коробку с мороженым.

– О-ох! – тяжело вздохнул двойник. – Всю жизнь кто-нибудь да понукает. Даже во сне нет никакой свободы.

– Смотря в каком сне, – заметил я. – Сон разума, например, порождает чудовищ, а от них, ясное дело, свободы не жди.

– Правильно, – сказал Бог. – Оттуда и появляются всяческие человекообразные рога-тые, парнокопытные и такие, как вы.

– Мы? – удивились мы.

– Ну да! Разве не чудовищно так с Богом разговаривать?

– Да какой ты Бог? – не выдержал двойник. – Старик Хоттабыч ты, а не Бог!

– Кто такой? Не знаю! – удивился Бог.

– Ну вот! А ещё под Бога косит, – опять кольнул двойник. – Джин из бутылки это. Простой рядовой колдун из сказки.

– Сейчас покопаемся в архивах... У меня всё складывается... У меня тут, – постучала себя по голове обезьяна, – постоянный вакуум и дрёма! С одной стороны автоматически засасывается и складывается, а с другой, по необходимости, тем же автоматом выбрасывается. Ага! Знаю! Правильно! За Хоттабыча меня и держат. Дай – то, дай – это. А не дашь – геть обратно в бутылку!

– Ну, это примитивно-мыслящие, а те, кто поумней... – начал было я, но Бог прервал меня.

– Те, кто поумней, мной как хлыстом размахивают, чтобы деньги из остальных пошустрей выколачивать. Бросьте на эту тему спорить! Почти никто в меня такого, какой я есть, не верит. И вы тоже не верите. Да и как можно верить в то, что есть, и одновременно вроде и нет. Это то же, что пойдёшь туда – не знаю куда, найди то – не знаю что! Страх Божий я! Пугало!

Ну и старик Хоттабыч, конечно, тоже. Кнут и пряник я у вас, а не творец и созидатель! А ведь кто творит, тот тоже – я. “Я” – моё имя! Аз есмь! Ох, детки вы, детки!..

Обезьяна всхлипнула и, сунув в пасть вместо ложки всю коробку с мороженым, поперхнулась, и начала жутко задыхаться. Мы выскочили из-за стола и что есть силы замолотили по мохнатому загривку. Коробка вылетела и, упав на пол, заляпала мороженым добрую половину его.

– Спасибо, ненаглядные вы мои! – теперь уже от умиления прослезилась обезьяна и, снова отчаянно зевая, начала зыбиться и таять.

– Куда ты? – тревожно воскликнули мы.

– Туда же – откуда! Спать хочу! Смертельно! Можете читать “Отче наш”, и, может быть, ещё и встретимся, – уже опять игриво сказала обезьяна и продолжила своё зевотное превращение и исчезновение.

Как только это чудо растаяло как следует и тёмным пятнышком с дымным колечком вокруг воспарило через потолок бог знает куда, я взял тряпку и ведро и начал уборку, а двойник вытащил из-за пояса всё того же “Любимца Израиля”. Похоже было, что он не расставался с моим подарком ни днем, ни ночью. Во второе или в третье посещение это случилось, но я хорошо помнил, что знакомство с книжкой-биографией были первой и главной его просьбой. Да и не мудрено! Он и сам смог бы такое написать, да не написал...

– Я почему перестал писать-то, – как бы услышав меня и оправдываясь, сказал двойник. – С утра до вечера только и слышишь: “Ты ничего не добился! Ты прожектёр! Ты семью прокормить не можешь! У тех и машина, и квартира, и вилла в три этажа с гаражами под ними, и по границам путешествуют по два-три раза в год, а кто ты? Кто ты такой, кроме как неудачник? Кто тебя знает? Кому нужны твои писульки? Это блажь и больше ничего! Кто дал тебе право поучать всех и вся? Какой Бог, если ты ни в церковь, ни в синагогу, ни в мечеть, ни в какой иной храм не ходишь, кроме как на экскурсию?”. Любая бездарь может называть себя писателем, но не я! Представляешь? Не имею права! Стоит только заикнуться, что, мол, тоже вроде бы какие-то муки творчества испытываю, как у всех глаза прямо бешеными становятся. Ишь, мол, куда замахнулся, ничтожный!.. Когда у нас с тобой седалищный нерв воспалился от травмированного позвоночника и мы на четвереньках по полу ползали, тебе Бог ручку и тетрадку в руки всунул, а мне тут же воткнули тесто, фарш и муку – “Лепи пельмени! Хоть какую-то пользу приноси!”. Вот и лепил килограммами. Тёща их в русские магазины сдавала. Вот тут ты пишешь: “Пишите! И к чёрту тех, кто говорит, что каждый сверчок должен знать свой шесток. Ни один смертный вам не указчик, а судьи только БОГ и СОВЕСТЬ, которая не что иное, как голос вашей бессмертной души!”. А когда писать? Глаза продрал – на работу! А там по двенадцать часов и больше. И это – счастье! Иначе – зубы на полку! Домой пришёл, поел, в телевизор упёрся – и спать. И так до субботы. А в субботу жену выгулять надо. Одной на набережную и не суйся! Наше, насосавшееся крови и долларов, бандитское хамло из Союза не просто пристаёт, а угрожает в случае отказа. И не без оснований! У них уже, как и в Союзе, свои ребята и в полиции, и в суде, и везде, где власть и деньги. Корпоративное зверьё! Отогрели свои дурные гениталии на израильском солнышке – и вперёд! Ну а о теще вообще можно с утра до ночи песни лирические петь. Всю жизнь она проработала заведующей библиотекой – и здрасте, пожалуйста! Говорит, что книги никому не нужны. Нужны только колбаса да «бабки»!

– Она знает, что говорит, – прервал я монолог двойника, прополаскивая тряпку. – Ну не из дворян наши тещи и даже не из чеховских интеллигентов. Не материализовалась в них духовность! При первом же бытовом проколе сдулась, как шарик! Ну нет в них никакой иррациональной дури!

– Но и зловредности умышленной тоже нет, – справедливо заметил двойник.

– Слава Богу! – согласился я. – Было бы это, то тогда вообще не о чём было бы говорить. Помнишь, у нас заведующая библиотекой была? Из репрессированных. Она не просто книги выдавала или рекомендовала, а рассказывала про них и их авторов. Объясняла, что было непонятно. Расспрашивала, что понравилось или не понравилось. Дискутировала с нами, мальцами, как с равными, а подростки – к стеллажам пускала, чтобы сами выбирали. И таких людей было полным-полно в Талгаре. Какая-то бывшая казачья станица, а доброты, суперрациональной иррациональности и талантов – море. И в чём парадокс! Благодаря сталинской истребительнице и военной эвакуации такая концентрация. В аптечном киоске, помнишь интеллигента в золотом пенсне? Он нам с Володькой всегда витамины “ц” с глюкозой бесплатно давал. “Как дела, молодые люди?” – спрашивал. И мы такими солидными себя чувствовали, такими уважаемыми и нужными! В своём третьем или в четвёртом классе... Его потом как врага народа, баптиста и шпиона сгнобили... А Герциков?.. Только теперь понимаешь, как нам повезло. Какие настоящие люди нас окружали!.. Где они? Только мусор да жвачные вокруг! Правильно говорил Паниковский: «Жалкие ничтожные люди!». Куда прогресс человеческий скачет – не пойму? Похоже, что так по кругу и бежит. Вот они – “Чья жизнь в сплошном картофеле и хлебе”. И неважно, что это свиньячье корыто называется вилами, машинами, яхтами, отдыхами на Багамах и Бог его знает чем ещё. Моя теща то же самое про колбасу талдычит, что и твоя.

– Твоя в Киеве живёт и лишь в гости наезжает, а моя всё время рядом, – завистливо заметил двойник. – Да ещё и дочурка под её да супружницы влиянием перца подсыпает. “У той папа лучше! У этой ласковый и не ругается! Да ещё и семью кормит от пуза! А мой – дурак дураком. Идиот какой-то и матерщинник. Лауреат шнобелевской премии!”. Бывает, как даст эта троица аккорд, так хоть всех святых выноси.

– Ладно! Что жаловаться попусту? На альтернативу нет ни времени, ни Божьего стимула. На чём ты остановился? – спросил я, вытирая руки.

– Да вот... – начал двойник и осёкся. – Это я не писал...

– Чего не писал?

– Ничего не писал. Почти все чистые листы записаны.

– Но это же наш почерк, – перебирая рукопись, заметил я. – Вот и подпись: “Конец первого цикла”. Братуха, ты же добрую половину работы сделал!

– Ничего я не делал. Я только до середины дошёл. И потом, смотри, тут два экземпляра рукописи, а я писал один. Действительно, сон какой-то.

– Как ты догадался! – поддел я. – А главное, где действие, там и мы. Как там... Отче наш, иже еси на небесах! Да светится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя яко на небеси и на земли... Ну что молчишь? Забыл, что ли?

– Я? – возмутился двойник. – Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим...

– И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого! – закончили мы уже в голос и оказались прямо в беседке Наума Аркадьевича, слившись в единое целое с ним и остальными героями и одновременно находясь рядом.

Ощущение непередаваемое! Я думаю по качеству это то же, что и Божье присутствие в каждой былинке вселенной и одновременно его независимое индивидуальное бытие.

Характеристики и проблемы основных героев в цитатах из первого цикла

АПОЛЛОН:

“Молодой человек не был грузином, хотя и обладал фуражкой-аэродромом с необъятными полями и маленьким отверстием для головы. Не был он и одним из сыновей или внуков Остапа-Сулеймана-Берта-Мария Бендер-бей Задунайского. Впрочем, кто его знает... Несколько избыточная космополитичная улыбка молодого человека на столь же космополитичном по своей географии лице была той визитной карточкой, которая любому представителю как большой, так и малой нации и народности заявляла о своей лояльности и родстве. Словом, в крови владельца фуражки-аэродрома бурлил и искрился коктейль из исторически выдержанных и характерных кровей.”

”... Аполлон пел, прекрасно танцевал, играл на множестве музыкальных инструментов, свободно рифмовал “кожу” с “рожей” и ударом ребра ладони раскалывал обожжённый кирпич.”

Как говорится – герой во всех отношениях, но...

“...Хотя на лице героя не меркла лёгкая, как солнечный блик, улыбка – на душе было пасмурно.

– У каждого человека горе – смерть близких! – без конца повторял он в последнее время, что было связано с преждевременной кончиной его горячо любимой матушки.”

И это бы ещё ничего, если бы не навязчивая мысль, что маму он похоронил заживо.

”... – Моя мама не вписывалась в социально удобную женщину, но она была для меня и папой, и мамой, и бабушкой, и дедушкой. Я всем обязан ей! Всем! А она растаяла, как свечка... На глазах... Саркома, граждане! Злокачественное новообразование! И метастазы! Метастазы, чёрт бы их подрал! Она была тёплая, когда я её хоронил! Почему? Она не умерла!.. Она занималась йогой! Она умела отключаться!.. Это была каталепсия! Да-да – она не умерла! Я похоронил её живую!..»

Немудрено, что от такой навязчивой идеи у героя возникали иногда приступы сильнейших сердцебиений, сопровождаемые смертельными страхами, которые чудесным образом снимал наложением руки его друг и коллега Федя.

ФЕДЯ:

”... Дверь кабинета отворилась, и в помещение, не обращая никакого внимания на присутствующих, проник бледный худой юноша в помятой рубашке и таких же брюках. Всклоченная причёска и подозрительно горячие глаза завершали картину первого впечатления, свидетельствуя о том, что в данной голове не всё в должном порядке.

Юноша подошёл к столу и бесцеремонно начал копаться в бумагах.

– Опять рукопись потерял?

Доктор зазвенел ключами, открывая сейф.

– Опять, опять...

– На, и не бросай где попало!

Доктор вынул из сейфа папку и протянул её юноше.

– Кстати, познакомься – наш новый директор!

– Ещё один... – вздохнул юноша и протянул ладонь. – Гений! Я – гений!

– Я – тоже, – улыбнулся Аполлон.

– Иронизируете? А жаль. Улыбка у вас хорошая, – сказал юноша и неожиданно тоже улыбнулся.

– У вас тоже, – ответил Аполлон и не соврал: улыбка бледного юноши была светлая.

Минутой позже герой узнал, что звали его Федей и он занимал должность художественного руководителя Дома культуры."

"... Федя был смелым человеком – он писал и говорил правду! Естественно, что его никогда и нигде не печатали и всерьёз не воспринимали. Это совсем не значит, что те, кого печатали, лгали. Просто их правда особенно глаз не колола и, обходя рифы социальных и природных закономерностей, шибко не тревожила. Даже профессиональные сатирики не решались поднять глаза вверх, против течения – к истокам, и смотрели лишь вниз – по течению, указывая на уже образовавшиеся заторы, а не на те места, откуда несло мусор. Следствием этого было то, что не успевали благодарные труженики ликвидировать один затор, как тут же образовывался новый, и, зачастую, в совершенно непредвиденном месте."

"... Федя же всегда плыл и смотрел против течения, то есть вверх, и не понимал – почему, выше министров, ошибающиеся или бездарные смертные прижизненной гласной критике не подлежат."

Понятно, что герой страдал от отсутствия своей литературной реализации, а поддерживал его и всячески поощрял до появления Аполлона лишь Наум Аркадьевич.

НАУМ АРКАДЬЕВИЧ:

"Наум Аркадьевич был личностью незаурядной. В разговоре с собеседником, внушающим доверие, он представлялся не иначе как беспартийной сволочью, видимо, не исключая того, что попадаются ещё и партийные. Конечно же, сволочью он не был, а был по характеру и жизненной позиции Дон-Кихотом, а по профессии врачом. Больные уважали его за то, что он делал их здоровыми, а здоровые – за то, что он не делал их больными.

Надо сказать, что живых Дон-Кихотов не любили, не любят и, видимо, никогда не будут любить власть имущие, благополучные и бескрылые. Как смеялись они над ними, так и продолжают смеяться, а если смех не помогает, то их просто выдёргивают, как вылезший гвоздь из каблука, и швыряют в придорожную жизненную грязь, предоставив полную свободу для окисления. Поэтому биография Дон-Кихота-доктора так же как и биография его литературного коллеги Ламанчского, была сложна, необычайна, полна мытарств и треволнений, падений и подъёмов.

Однако в данном случае результат не стал трагедией. По крайней мере – пока! Доктор закалился, обрёл бойцовские качества, умел постоять за себя и за других и, главное, научился побеждать. Перед самой пенсией он осуществил вечную мечту странников поневоле: купил крохотный саманный домишко с садиком, построил огромную беседку, повесил в ней гамак и бросил свой трудовой якорь в медпункте авторемонтного завода, а в настоящем – объединения. Вот уже более пятнадцати лет он крепко держал здоровье заводчан в своих опытных добрых тёплых ладонях и когда считал нужным, группировал их в кулаки и наотмашь бил по бюрократическим столам, без спросу повышая голос и совершенно не взирая на лица. В результате этого досрочно был построен профилакторий и роскошный физиотерапевтический комплекс с лучшим отечественным и импортным оборудованием и заметно уменьшился поток больничных листов. Вся администрация объединения, включая инженерно-технический персонал и самого генерального директора, лечилась только у Наума Аркадьевича и, называя его профессором, а также главным звеном своего жизнеобеспечения, берегла доктора, терпя все его причуды».

И всё бы ничего, если бы Наум Аркадьевич не мучался от непроходящего жгучего желания вылечить не только всех больных, но и общество в целом. Его друг – Абрам Моисеевич – тоже горел этим огнём, но, в отличие от доктора, не верил в эволюцию извращённого социализма.

АБРАМ МОИСЕЕВИЧ:

"... Очень сильно подозревая, что слово «еврей» произошло от слова «европа», Абрам Моисеевич собирался уезжать в Израиль, а оттуда в Швейцарию.

– Я знаю, что я делаю и на что иду! – жарко заявлял он своим знакомым, отговаривающим его от такого сомнительного шага, и задавал такие вопросы, честно отвечать на которые было или чрезвычайно трудно, или небезопасно.

В своё время Абрам Моисеевич экстерном сдал полную колоду экзаменов физико-математического, исторического и филологического факультетов. Универсальное гуманитарно-аналитическое образование постоянно им самим совершенствовалось и расширялось, и благодаря этому он, не считая своего родного идиша и русского языка, в совершенстве владел ивритом, английским, немецким, французским, испанским, итальянским, а также был ярким пропагандистом и поборником эсперанто. Кроме того, Абрам Моисеевич с детства безумно увлекался всеми семью музами и, как и в любой интересующей его области, и здесь достиг вполне приличных высот и разве что только не танцевал балетно. Он писал и переводил стихи и небольшие новеллы, рисовал маслом в стиле мастеров Возрождения и имел обширнейшую фонотеку классической и современной музыки, а также литературных и драматических записей.

Так вот, питая естественную симпатию к незаурядным способностям Абрама Моисеевича, горячее всех отговаривал его от отъезда в Израиль, а оттуда в Швейцарию Наум Аркадьевич. Он уверял, что за счастье нужно бороться там, где ты живёшь, а не думать, что где-то оно в готовом виде изнемогает от ожидания своего избранника.

– Брось, Ньюма, детсадовскую ерунду пороть – ты же неглупый человек! – обычно отвечал на это Абрам Моисеевич. – У каждого счастье своё! Одному нужно нажраться, другому накомандоваться, третьему с бабами наспаться, четвёртому скорее на пенсию податься, и так далее, и тому подобное... Я же не могу жить в стране, где слово «еврей» произносится как ругательство.

– Где? Где произносится? – отчаянно кричал Наум Аркадьевич.

– Везде!

– Кто? Кто произносит?

– Все! Даже сами евреи уже вынуждены.

Что мог ответить на это Наум Аркадьевич, если сам он почти всегда, отвечая на вопрос "Кто вы по национальности?", автоматически настораживался и каменел.

Ловя растерянность оппонента, Абрам Моисеевич распалялся ещё больше:

– Вот ты говоришь – бороться! Во-первых, как бороться, а во-вторых, с кем?

– Со всем! Талантом и добротой! – отвечал обычно доктор и оживлялся. – Самый естественный, надёжный и перспективный способ.

– Талантом? – взвизывался Абрам Моисеевич. – Пусть я нескромный человек, но этим Бог меня не обидел. И что я вижу? Зависть! Чёрную зависть! "Вот, еврей, сволочь, шпарит!" – говорят. Это о языках. Или – "Вот, жид, гад, пишет!". Это о стихах. Или... А насчёт доброты, так чем ты добрее, тем, значит, трусливее, и даже если еврей герой, то всё равно трус, и тут хоть головой об стенку бейся. Да что там говорить!.. И почему это я вместо того, чтобы нормально жить, должен всю жизнь доказывать, что я добрый и талантливый и имею не меньше прав на недостатки, чем кто-либо другой?

Абрам Моисеевич знал, что говорил, – недостатки были. И главный из них – это десять лет молодости и зрелости, проведённые на сталинских лесоповалах от звонка до звонка. Ослабленные недоеданием, авитаминозом, антисанитарией и каторжным трудом, заключённые умирали там от малейшей царапины, и он выжил только благодаря тому, что пристроился к медпункту. А осуждён был за то, что во время фашистской оккупации сотрудничал во вражеских газетах, втолковывающих неразумным славянам и неславянам про единый и

такой же всегда и для всех правильный, как и псевдокоммунистический, национал-социалистический порядок.

...Выйдя на свободу, "враг народа" узнал, что уже три года как реабилитирован. Нашлись документы, объясняющие его околелитературные вояжи по немецким тылам. И хотя даже награда нашла "предателя и подонка" и он получил какой-то, изрядно запоздавший орден или даже «Звезду Героя» за свои подвиги разведчика и выслушал скучно-равнодушные извинения от роботовидного бюрократа-полковника с необъятным брюхом, но вопросы без ответов оставались, и это только укрепляло его эмиграционную решительность.

Спор всегда заканчивался одним и тем же – Абрам Моисеевич громко кричал, что всё равно уедет в Израиль, а оттуда в Швейцарию, а Наум Аркадьевич так же громко и упрямо отвечал ему:

– Ну и дурак!"

Бирюлечки

Что ни говорите, а счастье и покой – понятия родственные. И если дрыжики, ёрзанья и беготню с выпученными глазами некоторые тоже называют счастьем, то так им и надо. Так им и надо – тем, кто сидели сейчас в беседке Наума Аркадьевича, неторопливо пили чай и, похоже, были счастливы совершенно несвойственным им счастьем покоя. Впрочем, были ли? Был месяц апрель первой половины восьмидесятых годов двадцатого столетия, и покой в природе не наблюдался. Скорее, наоборот – похоже было, что приближался очередной конец света в одной отдельно взятой стране.

Немного воды утекло и продолжало течь, но много событий произошло и продолжало происходить. Кто-то наконец-то "дал дуба", и некоторые сердца напряглись в ожидании хоть каких-то перемен; кто-то совершенно не вовремя сделал то же самое, и некоторые поняли, что надеяться не на что; кто-то опять внёс на своё имя кругленькую сумму в закордонный банк, и немалое количество тоже некоторых воспыало к нему чёрной завистью. Жизнь смеялась и вертела своё лотерейное колесо!

– Хорошо! – сказал Абрам Моисеевич.

– Ещё бы! – ответил Наум Аркадьевич. – Родина!

– При чём здесь Родина? Просто хорошо – и всё!

– Но ты же сейчас здесь счастлив?

– Предположим...

– Не предположим, а точно. А там, где ты счастлив, – там и твоя Родина.

– Вот-вот! Родина – это привычка. Вернее, комплекс привычек. А привычка свыше нам дана. Замена счастью она!

– Чай стынет, – вмешался Аполлон, разливающий по чашкам этот безобидный напиток.

Федя перелистывал «Похождения бравого солдата Швейка» и чудовищно веселился.

– Ой, не могу! Ой, держите меня! – покатывался гений. – «... Как твоя фамилия? Швейх? Ну, видишь, чего ж ты запираешься, когда у тебя такая еврейская фамилия?». Ха-ха-ха...

Аполлон хмуро улыбнулся и взял гитару.

– «Ты жива ещё, моя старушка? Жив и я. Привет тебе, привет!», – зазвучало красиво и печально.

Все умолкли.

– «Пусть струится над твоей избушкой тот вечерний несказанный свет...» – пели гитара и герой.

Длинное арпеджио закончило мелодию, а с ней и иллюзию покоя.

– Кстати, о политике! – сказал маэстро, как бы подытоживая длинную цепь мучительных раздумий. Поистине – за что боролся, на то и напоролся!

– Ну вот и наш директор тоже свихнулся, – отозвался Абрам Моисеевич. – А всё среда. Твоя среда, Ньюма.

– Моя? – удивился доктор. – Да он чудом в живых остался.

– Да-да, – подтвердил Аполлон. Какое-то дополнительное напряжение появилось. Может, диазепам поприимать, а?

– Ни в коем случае! Никаких диазепамов! Только в экстренных случаях, и никак по-другому! – возмутился Наум Аркадьевич и, вскочив, начал быстро и сильно растирать кисти рук. – Я тебе другое лекарство пропишу. Без побочных действий и верное. Проведём одно большое клубное мероприятие, и всё – как рукой!.. Будем строить будущее. Естественно, светлое. Социализм, наконец, чёрт возьми!

– Да ты что? Весна в голову ударила? – усмехнулся Абрам Моисеевич.

- Мечта!
- Дурдом! Ей-богу, дурдом! Псих! Тебе самому диазепам нужен. Причём в лошадиных дозах.
- Крыса, бегущая с корабля!
- Граждане, граждане! Вы же только чай пили! – попытался остановить гладиаторов директор. – И потом, социализм уже построен. Развитой!
- Ну конечно... Опухоль! Злокачественная! Понимаете – патология! Извращение, наконец! Всё только в песнях...
- Пусть даже так. Но что мы можем – члены профсоюза? Меня вот только на горшки хватило, – махнул рукой Аполлон.
- Всё! Всё можем! Главное – расщепить первый атом, а там такая реакция начнётся... При критической массе, конечно...
- Вот видишь – сомневаешься насчёт критической массы? Распад! Распад начнётся. Обыкновенный развал. Весь мир насилья мы разрушим, а затем опять Содом и Гоморра.
- Стерва ты, Моисеевич! Всё, что надо, само разрушится, а что надо – построится. Всё люди сами отрегулируют. Главное – не надо мешать. Маленький рычажок повернём – и покатится. Покатится, Федя?
- А как же!
- К какой-то матери!
- Вверх! – поправил Федя. – Мы – машина с зажатыми тормозными колодками. И ведь ползём! С вонью, медленно, но ползём. А если колодки отпустить?
- Ну, Марксы! Ну, Энгельсы! Поль, не слушай этих экстремистов. Используют и выбросят на помойку истории.
- А что, – восторженно воскликнул герой. – Археологам и исследователям, в основном, помойки и достаются. Тут-то дело надёжное. Встряска! Мне тоже нужна встряска. Зигзаг! Пусть детский лепет, пусть смешно, но всё какая-то физкультура. Абрам Моисеевич, присоединяйтесь!
- А куда мне деваться? Разве я вас брошу! Я же активнейший участник самостоятельности. Но не советую. Прогорим на все сто. Весь глобус нужно к свету поворачивать, а не с карманным фонариком в тени бегать.
- Ну, если и фонариков не будет, то совсем зрение атрофируется. – Вот! – потряс кулаками неугомонный эскулап. – Физкультура, физика в конце концов – ерунда! Объём, вес, количество – тоска! Главное – химия! Вступайте в реакции! Превращайтесь и синтезируйтесь! Создавайте новые соединения и элементы! Кипите, пучьтесь, разрушайтесь, взрывайтесь! Горите синим пламенем, наконец, но не лежите! Належитесь ещё в своём персональном гробике из бракованных досок! Мы с вами такое тут наворочаем, Поль, такое нашуреем! Народ валом валить будет! А ты же, Абрам, – Спиноза! Твоей интеллектуальной мощью можно город освещать! Про Федю я уже и не говорю.
- Ну, старичок! Ну, злобный! Ишь, как кулачками размахался! Выкладывай свой бред, выкладывай! Всё равно не успокоишься, пока не намордуешься.
- И выложу. Инициативу и творчество масс – в сторону внутризаводских проблем. Не шурупы там, а взаимоотношения. И никаких заумных выпендриваний – всё на самоуправлении. Всё на инициативе. А когда колесо сдвинется, то этим политическим импотентам ничего не останется, как или поддержать нас, или катапультироваться.
- И что в результате? Почётные похороны почётным членам и новые отряды динозавров?
- Радость! Только радость! Много мы не можем, но пусть вокруг нас, пусть на время, но пусть будут улыбки! Горящие глаза! И вообще, пусть люди почувствуют, что свобода

– не только осознанная необходимость, но и право свободного выбора и ответственность. Побузят, конечно, немного, но лишь бы проснулись. В общем, мелочи и ничего нового.

– Ну да... Почти бирюлечки... Особенно буза...

– Бездействие – хуже бессмысленного действия! – покончил с сомнениями Абрама Моисеевича Аполлон. – Стратегия утопична, но ясна. Как с тактикой?

– Да-а... Тактика... – протянул неугомонный эскулап. – Единственный плюс в главном минусе – сегодня всем всё до лампочки. Создадим иллюзию эксперимента ЦЕКАки, горкома, райкома и никто даже нюхать не станет. Где-то примерно такие же эксперименты уже проводились.

– Так об чём речь? – удивился Аполлон.

– Мы пойдём дальше. И гораздо... – встрепнулся доктор. – Никаких полумер. Всё до упора! В бесконечность! Пусть люди почувствуют, что им действительно доверяют до конца. Для этого хотя бы на месяц или два вместо призывной планово-отчетной галиматии надо для ограждения соорудить кипу определённых бумажек с печатями и подписями и вперёд! Короче, дайте мне на месяц точку опоры, и если ничего не получится – застрелюсь!

– Ой-ой-ой! – иронически захохотал Абрам Моисеевич. – Смерть-то для этого света – бессюжетна. Пусть стреляются те, кто на ответственных постах гадят. Месячишко или несколько, я думаю, можно будет обеспечить без особой натуги. Впереди лето... то да сё... А потом... Тут у меня в голове и на потом кое-что есть...

– Вот! – обрадовался доктор. – Представляете, управление и контроль – массовые. Распределение доходов – тоже.

– Куда? Откуда? С каких хлебов? С госбанковских перечислений? Уволь! Это уголовщина!

– Сегодня уголовщина, а завтра – норма. Распределим! И без криминала. Дом культуры превращаем в Смольный, а...

– А тебя в Свердлова! Уже распределяли, и не раз! – безнадежно махнул рукой оппонент.

– Не сбивай! Опирайтесь на все обезноженные и обезрученные активы. Всех в дело, и ничего экстравагантного. Переведём мотор с холостых оборотов на ход – и всё! Одно большое клубное мероприятие!..

– Бахтубеков сразу нанюхает, куда ветер дует, – вспомнил Федя и побледнел.

– Бахтубеков?... – как на риф, наткнулся доктор.

– Да бросьте вы кошмары нагнетать! Нашли фигуру! Слава богу, он всего лишь завком, а не первый секретарь райкома! – успокоил Аполлон. – Да я ему так мозги запудрю, что ещё и помогать будет.

– Правильно! – обрадовался Абрам Моисеевич. – Организуем боевой отряд жуликов – и рылом вперед! Жулик, он, брат, такой инициативный и творческий, что только держись! Нет, правда, Ньюма, это же совершенно гениально. Я их лично поведу!

– Ну-ну, давай... – успокаиваясь, буркнул доктор. – Ты хотя бы помоги мне сначала, а потом дуй в Израиль, то бишь в Швейцарию. Я слова не скажу против.

– Слава Богу! Наконец-то!

– Товарищи! – вдруг торжественно и с дрожью в голосе почти продекламировал Федя. – У меня такое ощущение, какого никогда... никогда не было...

– Жениться тебе надо! – чуть было не сказал Абрам Моисеевич, но промолчал.

– Давайте выпьем... ну хотя бы по стакану чая! За то, что свела нас судьба и нам так хорошо от этого. Я прочту. Я хочу прочесть. Я первую часть в психдоме написал. Депрессивную. А вот теперь... Нет, я прочту всё с начала:

Света! Темно! Солнца круг, как в дыму!

Где оно? Не видать...
Кто меня тянет в бездонную тьму?
Кто хочет жизнь отнять?..

Сердце схватила стальная рука
– Давит его и жмёт.
Миг растянулся в немые века...
Душно! В ушах поёт!

Синь – высока. Горизонт – далеко.
Воздуха – хоть глоток!
Боже мой, как умирать нелегко!
Как быстротечен наш срок!

Врешь! Буду жить! Я не всё вам сказал!
Главное – впереди!
Кто это там меня трупом назвал?
Ближе ко мне подойди!

Плону в твои я слепые глаза!
Ты их протри и смотри!
Видишь – там в небе моя бирюза.
Ну-ка, попробуй – сотри!

Видишь – там солнце горит в бирюзе.
То горит сердце моё.
В сторону тьму! Тьму люблю я в грозе.
Врёт заключение твоё!

Все молча потянулись к самовару.
Калитка хлопнула, и в беседку вбежал Бахыт – методист по спорту завода.
– Пожар! – выкрикнул он. – Ваш сарай горит! Я на машине! Живо! Живо!..

Всё течёт – всё из меня!

Люди любят то, что доставляет им удовольствие. Большая часть любит искусство, детей и то, от чего они заводятся... и многое другое. Другая, гораздо меньшая часть, любит склоки, драки, муки ближних и всякие подобные штуки. И если первые вызывают симпатию, а вторые – наоборот, то третьи – только недоумение. Это те, совсем уже немногие, которые находят удовольствие в самоистязании и истязании их самих ближними. Автору даже кажется, что первые убеждённые злодеи возникли из сострадания к этим третьим. Ну, как доброй душе не подарить хоть капельку радости жаждущему и стенающему! Вот и получилось, что пущенное на самотёк добро обратилось в зло, и мир поделился на чёрное, белое и психиатрическое...

Бахыт Ермакович Султанбаев к третьей категории не относился. Не относился он и ко второй. Значит... Да-да, конечно к первой! И, в частности, в основном – к пунктику «От чего они, то бишь детки, заводятся». Дело, как говорится, благородное и, безусловно, альтруистическое. Приятное, доложу вам, дело, особенно если силы есть. А этого добра у спортсменчиков – сами понимаете... К старости, оно конечно, и облысение, и обленение, и ожирение, и «пол-шестого», но пока...

– Пока кой чем ещё горим, пока сердца для кайфа живы, мой друг, красоткам посвятим телес конкретные порывы! – декламировал своим друзьям и знакомым Султанбаев.

Это, сами понимаете, уже не Пушкин, но еще и не Смирнов. Кто такой Смирнов? О, их много, и все – члены каких-нибудь Союзов. И все божатся, что их фамилии произошли от слов «с миром», а не от команды «Смирно!». Знакомству с одним из этих «миролюбцев» и посвящен данный эпизод, и мы встретимся с ним попозже, а пока – несколько штрихов к портрету Бахыта Ермаковича.

Спорт – это примерно такая же кормушка, как ГАИ и вытрезвитель. Корсарам от внутренних органов, конечно, проще. Спел лермонтовское «Выхожу один я на дорогу» – и сотенка в кармане. Но и флибустьеры от спорта тоже не дремлют. Тем более, что песенка у них будет и попроще, и пошире – «Нынче здесь – завтра там!». Те, кто бьют рекорды, надрывая свои пупы, и не ведают, какие денежные Арагвы кипят и пенятся вокруг них, и оседают, и оседают в карманах у добродушных и серьезных, игривых и респектабельных и ещё каких хотите спортсменов-функционеров. Матёрые – так те вообще уже грабят и фарцуют молча, насупив брови. Они скорее относятся к третьей категории, то бишь к психиатрической, но кому от этого легче?

Так вот, Султанбаев еще не облысел ни морально, ни физически, и потому тянул в свой карман «честно» и только для девочек, и только для них. И машину-то он приобрел оригинальной конструкции у самодельщика, правильно веря, что девочки в неё будут впархивать охотнее, и квартиру, забитую импортными мебельями (это не ту, в которой жил, и тоже забитую, а ту, что для него и его друзей и товарищей являлась дворцом левых бракосочетаний), и жену покорную и безропотную. Впрочем, жену он не купил, а взял у Бахтубекова как залог их нерасторжимой дружбы и полного взаимопонимания.

Королевское родство!

Бахтубеков был тестем Султанбаева!

Доставив наших героев к месту происшествия, Бахыт даже не взглянул на горящий сарай, в котором хранился реквизит и прочий театральный хлам. Озаряемый всполохами пламени, он поспешил в кинобудку клуба, где вынужден был оставить двух прелестниц на попечение инвалида второй группы киномеханика Серёги, лишённого по пьяни одной нижней конечности. И пока наши герои помогали пожарникам разгребать то, что осталось от декораций и бутафории, Ермакович бил морду инвалиду, похоть которого оказалась балла на

три выше Султанбаевской по шкале землетрясений Рихтера. Прелестницы же, как ни в чём не бывало, облачались в свои нижние доспехи и с нежностью поглядывали на отстёгнутую ногу сексуального пирата.

Неизвестно, чем бы закончилась эта межконкурентная борьба, если бы в кинобудку не постучался Смирнов. Тот самый, который член одного из Союзов и в частности – Союза писателей, и секретарь общества трезвости той же конторы. Прервав массаж лица напарника, Султанбаев открыл дверь.

Прелестницы тут же выпорхнули и, гремя каблучками, по железным лестничным ступенькам побежали вниз, на ходу обмениваясь впечатлениями и повизгивая от восторга. Смирнов же только цокнул им вслед и, сверкнув огненными белками глаз, извлёк из кармана бутылку.

На некоторое время в кинобудке воцарилась деловая тишина и мир...

Иван Смирнов был личностью весьма выпирающей из общего ряда подобных. По неточным сведениям, а вернее просто со слов самого героя, в одном из миномётных шквалов наших частей, перепутавших азимут или что-то там ещё, ему осколком мины шваркнуло по темечку, после чего он понял, что жизнь если и игра, то довольно опасная, и в ней если сам чего не урвёшь, то тебя урвут. И хотя после госпиталя он возвратился к боевым действиям, но уже в то время они начали давать некоторый крен, что не помешало ему в конце жизни стать ветераном Великой Отечественной войны и с великим нахальством и шустростью пользоваться всеми вытекающими отсюда привилегиями и почестями.

Впрочем, основания на эту шустрость были действительно заложены ещё во времена боевой молодости. Тогда, на коротких остановках эшелона, идущего на фронт, Смирнов выскакивал на перрон с кусками динамита, обмазанного мылом, и менял этот весьма необходимый в хозяйстве инвентарь на продукты питания. Как благодарные тыловые старушки им мылились, можно только представить, но можно и надеяться, что в печку сей продукт «стукнутой» фантазии будущего знаменитого русского поэта Казахстана не попадал и ножом или топором его не делили на недельные кусочки.

Однако пытливый, уже травмированный, ум на этом не остановился. Когда где-то на польских или чехословацких, а может быть, и уже германских полях Ваня обнаружил совершенно целый фаустпатрон, то не замедлил испытать его, предварительно попросив товарища отойти за спину, дабы ничего не случилось. Патрон благополучно сработал, и со Смирновым ничего не случилось. Правда, товарищ лишился глаз и лицо его приобрело вид мочёного яблока, но хорошо, что жив остался!

Так решил трибунал в первый раз! И лишь во второй, когда Ване поручили препроводить пленных в часть и он, горячая голова, не смог этого сделать до конца, а разрядил автомат в безоружных где-то на полпути, трибунал задумался и лишил его какого-то звания, оставив, однако, в действующих частях.

Теперь Ваня был осторожнее, и, если мысли под темечком всё-таки начинали постукивать, он брал карандаш или ручку и облекал их во вполне удобоваримую стихотворную, и если оплачиваемую, то очень цензурную, форму.

Многообещающая молодость – не так ли? Тем более, что в последний раз во время войны родной осколок не дал обуздать себя в уже поверженной цитадели фашистского Рейха. Там Ваня, на пару с товарищем, привязался к двум местным «курочкам» и напоролся на конкурентов-французов. Ломовые приёмы ухаживания «стукнутого» уроженца Смоленщины не шли ни в какое сравнение с деликатной обворожительностью потомков д'Артаньяна и Арамиса, и Смирнов не нашёл ничего лучшего, чем лесину от забора, которой и проломил лоб одному из союзников на поле брани, но только не в любви.

Из соображений скорее политических, чем справедливых, начальство решило замять и этот инцидент и отослало «героя» от греха подальше. Но опять не в места не столь отда-

ленные. И поскольку теперь наступил мир, а темечко всё же ныло, то Ваня строчил стихи одно за другим и так энергично их проталкивал, что даже знаменитый Михаил Аркадьевич Светлов не смог отвязаться от него иначе, как следующей эпиграммой:

Открыл я Пушкина – увы, не ново!
Все это есть у нашего Смирнова!
И как у классика не дрогнула рука —
Обворовать такого бедняка!

С Пушкиным сравнили! И кто? Сам Светлов! После этого не стать членом Союза писателей было бы по меньшей мере оскорбительным.

И Смирнов стал им.

Членом Союза то есть, а не человеком...

На одной из встреч с читателями, которые до этого и не предполагали о существовании такого ископаемого поэтического гиганта, его спросили:

– Какую бы книгу вы взяли на необитаемый остров, если бы вам пришлось отбыть там двадцать лет?

– «Остров сокровищ!» – не моргнув глазом и не задумавшись ни на секунду, тут же ответил поэт.

– Почему? – опять спросили то ли пионеры, то ли пенсионеры.

– Я бы рылся! – пояснил поэт и повёл вокруг сорокаградусными очами.

Уже к этому времени Смирнов пил по-чёрному!

Когда же на другой встрече, но уже с кондитерами, один из пятисот с жутким гаком членов Союза писателей Казахстана из числа аборигенов представил его как гениального русского переводчика-пульверизатора казахской поэзии (имелось в виду «популяризатора») и женщины ухватились от смеха за свои кондитерские животы, он опять повёл своими сорокаградусными очами и прорычал:

– Я их всех переведу! Как тараканов!

Ну что можно сказать? Шовинизм и явно не созидательного уровня агрессивность Смирнова были очевидны. Как и был очевиден ярый шовинизм гордости казахской литературы... ну, скажем, Бейгали Турпенбаева, памятник которому, похоже, отольют в бронзе и поставят в одном из самых козырных мест Алма-Аты.

Надо отметить, что подобные субъекты гордо называют вышеперечисленные качества чувством национального достоинства, но это не более чем грим. Тут автор полностью согласен с Аполлоном, сказавшим, что у людей может быть или не быть только одно достоинство – ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ! И будут потомкам парить мозги добротой этих «надчеловеков», их глобальностью мышления и человеколюбия, хотя при жизни в них доминировали лишь мания величия со спесью, хамство замешанное на злобном тестостероне и характерный для большинства «верхних» писателей махровый проституционизм.

К чему здесь Бейгали, спросите вы? А к тому, что он был первым защитником и покровителем Смирнова, ибо одного поля ягоды на одном поле произрастать и обязаны. И они росли. Каждый на своем кусте, но на одной ниве...

– Хотите загадку, бродяги? – спросил Смирнов, когда бутылка почти опустела.

– Да-вай! – миролюбиво икнул Бахыт и откинулся на подобие кушетки.

И Ваня начал:

Кто стучится в Мавзолей
С раскладушкой своей?
Он и маршал, и герой,

И писатель молодой...

- Чёрт его знает! – выругался Серёга. – Бейгали твой, что ли?
Инвалид уже с минуту безуспешно пытался приладить культю к деревяшке.
– Темнота! – победно прищурился Смирнов и продолжил:

Брови чёрные, густые,
Речи длинные, пустые...

- Я, пожалуй, пойду... – сказал Бахыт и сел.
Он понял, кто это...
– Подожди, подожди! – задержал спортсмена Ваня и, хохотнув, назидательно закончил:

Кто даст правильный ответ,
Тот получит десять лет!

- Сам написал? – сдавленно проговорил Бахыт и начал собираться.

Он давно знал Смирнова и, сильно подозревая, что тот провокатор и секретный осведомитель, держал себя с ним очень осторожно. «Если девушка красива и в постели горяча, это личная заслуга Леонида Ильича!», так и вертелось на языке, но, слава богу, не вырвалось. Тем более, что дальше закрутилось в голове ещё более крутое: "Поменяли хулигана на Луиса Корвалана. Где б найти такую блядь, чтоб на Лёньку поменять!"

- Эх вы... гегемоны! – вместо ответа выругался поэт.

Вылив в стакан оставшееся в бутылки и одним залпом выпив, он как-то по-особенному прищурился.

- Ну, этого-то вы угадаете. Этот ваш:

Никем не узнан и не признан,
Бродил по улицам, как тень.
И занимался онанизмом
В Международный женский день!

- Кто? А? Ну-ка, ну-ка!..

Собутыльники молчали. Хотя они были далеко не ангелы, но Федю уважали. И Смирнов это почувствовал. Он даже заскрежетал зубами от зависти. Уже давно его самого только терпели и боялись.

В это время на улице ахнуло так, что намертво привинченные к полу кинопроекторы звякнули, и все трое выскочили из кинобудки. Нет, не тушить пожар или спасать людей! Просто Алма-Ата – город сейсмичный. В горячке Серёга даже не заметил, что он без деревяшки, и лишь увидев, что землетрясения нет, начал проседать на воздушное пространство под культёй. В сарае же просто взорвалась канистра с каким-то горючим содержимым, и столб пламени взвился до верхушек тополей. На счастье мерзавцев, ветер дул от Дома культуры, да и пожарники работали на совесть...

Уже когда всё было потушено и лишь сизые сигаретные дымки зевак возбуждали беспокойство сворачивающих шланги бойцов, Апполон и Федя, изрядно закопчённые, подошли к легковушке. Только теперь Федя заметил, что автомобиль, в котором они были доставлены к пожарищу – самоделка без номера и техталона.

Вокруг машины с тряпкой в руке суетился Бахыт. Он явно уворачивался от назойливого Смирнова, который покачивался рядом. По-видимому, к этому времени в кровь поэта

начали поступать последние критические порции алкоголя, так как прямо на глазах с ним происходили характерные не только для его творческой личности метаморфозы. Сначала он сменил окраску – из нормального стал багрово-лиловым. Потом губы обметала отвратительного вида корка. И уже после этого послышалось первое «Пф!», сопровождаемое игривым пощёлкиванием и бормотанием.

– За что «Кота» зарезали, сволочи? – вдруг тихо, но очень внятно сказал он. – «Полкана» взяли, а «Кота»? «Кота» почему зарезали? Пф!.. Ну чем... Чем он хуже?

– Чего это он? – недоумённо спросил Федя.

– Очередной перевод сборника стихов для детей к изданию готовит, – ответил Аполлон, который пытался в последнее время пристроить с помощью Вани хоть что-то из Федино фонда.

Только на днях он понял, что это абсолютно бесполезно и всё краснобайство поэта о его железных знакомствах с тем-то и с тем-то существует только для него самого.

– Ну, ладно, зверина! – зарычал вдруг Смирнов. – Сунься ты ко мне со своим «Одуванчиком»! Я тебе так его отделаю!..

– А это он про кого? – опять спросил Федя.

– Про конкурента, наверное, – усмехнулся Аполлон. – Эти члены Союзов только и делают, что жрут друг друга. Не в глаза, конечно. В глаза друг другу – сплошные дифирамбы и вилияния задами.

– А как у меня лягушка квакает, а? – так же ни к кому не обращаясь, продолжил Смирнов. – «Дайте в луже умереть!» А про котика? "Выгнув спинку, словно мостик, он стоит, поднявши хвостик!". Классика!

После этого взрыва восторга из Смирнова посыпались сплошные «Пф!» и пощёлкивания, и он куда-то ушёл.

– Крепко на ногах стоит! – удивился гений.

– Ну, такие знают, чё почём, – вступил в разговор вынырнувший из-за машины Бахыт. – Аполлон Александрович, как договорились – машина на месяц ваша! Ремонтируйте её, делайте с ней что хотите, но чтобы номер и всё остальное к моему приезду были. Я сегодня уже тяпнул, так что вот ключи и доверенность. А я пойду вещички собирать. Ох и командировочка предстоит! Охота! Рыбалка! Девочки! "Были сборы недолги. От Кубани до Волги мы коней поднимали в поход..."

– На чёрта тебе эта консервная банка? Своих дел невпроворот, – сказал Федя, когда Бахыт прыгнул на проезжающий мимо автокар и укатил в недра завода.

– Нереализованная мечта юности! – хлопнул по капоту директор. – Покопаюсь... Тем более в такой оригинальной конструкции. А потом, разобьётся наш физкультурник на ней при первой же скоростной нагрузке. А он, как-никак, зять Бахтубекова.

– А-а, – понимающе протянул Федя. – Кто же этот шедевр лепил?

– А кто их на вашем заводе лепил в своё время? Митрич!

– А что, техничный мужик. С искрой!

– Был! Спился! В этом шедевре его только на дизайн и хватило.

Что правда, то правда – дизайн был. Конечно, в одном боку самоделки ребрилась вмятина, а бампер вообще отсутствовал, но это было как-то мало заметно. Каким-то чудным образом даже дефекты гармонировали с летящими линиями автомобиля.

– Похоже, что болты плохо затянуты, – продолжал Аполлон. – Слышал, как дребезжало, когда мы сюда ехали?

– Не-а.

– Ну, ясно. Не до того было. О! Меня наши старейшины зовут акт подписывать. Ты, пока люди не разбежались, напомни им, что сегодня в клубе диспут. Там, кстати, и пощупаем их демократическую мышцу.

Федя направился к группе людей, складывающих заводские пожарные принадлежности, и вдруг чуть было не сшиб Смирнова. Только что не подняв ногу, тот брызгал на угол Дома культуры.

– Смирнов, тут же люди! – попробовал урезонить поэта гений.

– Где? Не вижу! – мрачно повёл очами действительный член Союза писателей. – Ты проходи-проходи, вундеркинд! Всё течёт – всё из меня!..

Цирк! Цирк! Цирк!

Вечером был диспут на тему «Свобода – право свободного выбора и личная ответственность!».

С большим трудом нашим героям удалось разрушить сразу заработавшую механику атмосферы собрания, но дальше этого дело не пошло. Практически у всех демократия была защёлкнута на мёртвые заржавелые предохранители. Одна молодёжь, по стечению обстоятельств немногочисленная, пыталась о чём-то кричать, но её забивали слишком зрелые безапелляционные голоса. Были даже такие, которые призывали к палочному счастью...

– Сильной руки на вас нет! – кричали они. – По струночке бы ходили!

– Ноль в ноль! – отвечала молодёжь.

Театр поэзии во главе с Ким тоже сидел в зале, но молчал всем своим составом.

– Эти только при шестидесяти процентах зашевелиятся, – с досадой говорил Аполлон Феде, на что тот лишь лихорадочно отвечал:

– Но зато как!..

И как бы в подтверждение слов гения на сцену поднялся Розенцвайг.

– Подождите кричать, – сказал он в микрофон и поднял руку. – Уже бог знает когда умные люди на Востоке поняли, что всякое насилие противно природе. Так?

Театр поэзии согласно закивал.

– На каком Востоке? На среднем, дальнем или том, что поближе? – раздался из зала ядовитый выкрик доктора.

– Зря язвите, Наум Аркадьевич! – невозмутимо ответил Григорий Альфонсович. – На том самом, откуда всё пошло! Экс Ориенто люкс! С Востока свет! Так вот, там же люди впервые и поняли, что на страхе счастья не построишь. А некоторые тут – Сталин, Сталин! Самая опасная эмоция для всего живого – это страх, страх и ещё раз страх. И тем более бесконечный и панический. Разве я не прав?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.